

Глава 3. Спасибо, Ваше Высочество

К концу полуобеденного времени, ближе к вечеру небо напоминало перевёрнутое озеро осенней воды.

Сегодня Цин Линьлинь был одет в платье цвета озёрной синевы с вышитыми серебряными гибискусами. Худой, стройный, он носил женский венец и украшал лоб лепестками цветов. Брови его чуть косили к вискам, а щёки были розовы, словно нежные персиковые лепестки. Изящно поклонившись, он стоял у боковых ворот особняка Мэй.

— Талия танцовщицы — мягка и гибка, в её грации и очаровании словно ива, что плавно колышется вечерним ветром, — протянул мелодичным напевом выскочивший навстречу управляющий, улыбнулся, оглядел Цин Линьлиня с головы до ног, хлопнул в ладони и сказал: — Братец Цин, с таким ярким, но чистым макияжем ты сегодня особенно хорош.

Цин Линьлинь украсил красные губы улыбкой — яркой, как цветок. Он вытянул вперёд стоящего за его спиной человека:

— Управляющий Ли, это и есть тот мастер по гриму, о котором я раньше посылал вам сказать.

Пэй Ситин встал рядом с Цин Линьлинем и произнёс:

— Здравствуйте, управляющий Ли.

— Этот облик... уж слишком примечательный, — управляющий Ли разглядывал лицо юноши, чувствуя, что оно ему знакомо, но не мог вспомнить откуда.

Цин Линьлинь не был человеком мелочным, потому управляющий Ли с лёгкой насмешкой добавил:

— Скажу тебе так, Цин-ге, можешь не бояться, что он затмит тебя, если будет при тебе. С такой внешностью и манерами он вполне мог бы быть сыном какого-нибудь знатного рода.

Эти слова словно невзначай ставили под сомнение происхождение Пэй Ситина. Цин Линьлинь лишь воскликнул «ах» и, улыбнувшись, ответил:

— Йэцзин такой большой — неужели я один могу обслужить всех клиентов? Конечно, не справлюсь. Но глаз у вас, управляющий, действительно острый!

Он коснулся лица Пэй Ситина и откровенно добавил:

— Он — третий молодой господин семьи чиновника из храма Гуанлу. Денег у него мало, вот он и вышел подработать. Только, прошу, держите это в тайне: если его семья узнает, что их сынок гримирует проститутку, убьют ведь.

В Йэцзине семья чиновника из храма Гуанлу не считалась знатной; юноши и девушки, которые там не пользовались особым расположением, действительно редко были богаты. И в том, что такие выходили на заработки, не было ничего необычного.

Управляющий Ли велел слугам снять с плеча Пэй Ситина небольшой деревянный ящик для осмотра и вежливо сказал:

— Надеюсь, вы не обидитесь, третий молодой господин Пэй. Всё, что приносится извне, должно быть проверено.

Тем более сейчас в особняке были почётные гости. Пусть снаружи об этом никто не знал, меры безопасности нельзя было ослаблять.

— Я готов к проверке вещей и тела. Удостоверение личности тоже в ящике, — сказал Пэй Ситин.

Управляющий Ли, увидев его покладистость, улыбнулся.

После досмотра маленький деревянный ящик вернули обратно на левое плечо Пэй Ситина, и вся группа вместе вошла через боковые ворота.

Управляющий Ли шёл впереди и по ходу дела спросил Пэй Ситина:

— У вашей матушки, случайно, не фамилия Бу?

— Да, — Пэй Ситин изобразил ровно столько удивления, сколько нужно. — Управляющий Ли был знаком с моей матушкой?

— Лично — нет. Но когда-то танцовщица Бу Сюин из Сяньинфана была знаменита в Йэцзине своим восхитительным танцем. Зрители говорили, что она прекрасна, как богиня вод, и называли её «феей, танцующей на волнах». Многие знатные господа желали взять её в свои дома, даже дворцовая музыкальная палата хотела заполучить её. Однако, вопреки ожиданиям, она вышла замуж за чиновника седьмой степени, — управляющий Ли слегка повернул голову, бросив взгляд на Пэй Ситина, и вздохнул: — А теперь её сын уже такой взрослый.

Пэй Ситин улыбнулся:

— Если бы матушка узнала, что спустя столько лет управляющий Ли всё ещё помнит её танец среди бесчисленного народа, она была бы очень тронута.

Всего несколькими фразами он и восхвалил незабываемый танец Бу Сюин, и отметил долговечность впечатления, оставленного на зрителей. Всё вышло естественно — ни высокомерия, ни раболепия. Управляющий Ли улыбнулся, и взгляд его потеплел.

Цин Линьлинь облегчённо вздохнул. Управляющий Ли был тем, кто растил Мэй Цзяна с детства и пользовался его уважением. Хорошо, что Пэй Ситин сумел произвести верное впечатление.

Когда они дошли до заднего двора, управляющий велел слуге проводить Цин Линьлиня к водному павильону за лунными воротами, а сам повернулся, чтобы провести Пэй Ситина дальше по коридору. Он не заметил, что Цин Линьлинь бросил на Пэй Ситина тревожный взгляд.

Остановившись у каменного стола, управляющий Ли сказал:

— Мой господин не любит шумные собрания, поэтому сегодня пригласил лишь нескольких друзей. Формально это именинный банкет, но на деле — просто выпивка да беседа. Цин-ге ушёл назад, а вы можете подождать его здесь, чтобы подправлять макияж, когда понадобится. Я велю принести вам еды.

Пэй Ситин взглянул на розу — бело-розовую, просвечивающую из окна за его спиной. Его сердце немного успокоилось, и он кивнул:

— Благодарю, управляющий Ли.

Тот махнул рукой, приглашая его сесть, и, подумав, что этот юноша воспитан и вежлив, решил, что следить за ним постоянно не нужно.

— Мне ещё нужно пойти на кухню проверить блюда. Оставляю вас.

— Управляющий Ли, будьте здоровы, — Пэй Ситин проводил его взглядом, затем открыл ящик, достал приготовленные кисти, тушь, бумагу и тушечницу, разложил бумагу и принялся за рисунок.

Через некоторое время слуга поставил на стол поднос с тарелкой фруктов, двумя тарелками закусок и чайником чая. Бросив взгляд на рисунок Пэй Ситина, он не удержался от восклицания:

— Этот цветок выглядит таким знакомым.

Он поднял глаза на решётчатое окно перед собой — за ним как раз были те самые розы, их согнутые стебли и ветви.

Пэй Ситин поднял взгляд и увидел, что у слуги густые брови, большие глаза, стройная фигура; лёгкая одежда плотно обтягивала руки, подчёркивая мышцы — не похож он был на обычного слугу. Но Мэй Цзян появлялся редко, и угадать личность этого человека пока было невозможно.

— Как тебе эта картина? — спросил Пэй Ситин.

Слуга умел читать, но стихов не любил, да и витиеватых фраз сейчас подобрать не мог, потому сказал просто:

— Как будто ветки из-за стены взлетели прямо на твою бумагу!

— Это очень высокая оценка, благодарю, — Пэй Ситин опустил голову и продолжил работать кистью.

Слуга скрестил руки и, по-доброму ворча, начал давать советы о зарботке:

— Многие богатеи, что любят прикидываться знатоками, только и рады тратить деньги. Некоторые вообще своё состояние на каллиграфию да живопись спускают. В художественных лавках Йэцзина порой такие цены стоят, что голова кругом пойдёт. Куда больше, чем ты заработаешь, красуясь лицом как у Цин-ге.

— Цин-ге тоже щедрый, — ответил Пэй Ситин. — Да и красить лицо красавице — всё равно что писать прекрасную вещь. Тоже удовольствие, радость приносит.

— У вас, у учёных да поэтов, вечно какие-то удовольствия, — слуга дважды цокнул языком. Хотел было ещё что-то сказать, но внезапно заметил краем глаза нечто, его лицо переменилось; он тут же опустил руку и проговорил: — Не буду мешать. Приятного вам отдыха.

Пэй Ситин поднял голову:

— Всего доброго.

Слуга умчался, словно за ним гнался призрак.

Пэй Ситин опустил глаза, сменил кисть и собрался подписать рисунок в левом углу:

«Как же его назвать? Красные одежды, парчовые занавеси, розовая талия...»

Водный павильон и дальше напевал свою мелодию; ночной ветер делал её ещё изящнее, а рябь на воде становилась чётче. Пэй Ситин тихонько напевал вместе с музыкой, вспоминая строки из «Лунной ночи»: «Жду, когда луна склонится за западное крыло, дверь по ветру приоткрыта. С лёгким шорохом скользят по стене тени цветов. Интересно...»

Он уже собирался писать, тихо повторяя стих, когда за спиной вдруг раздался мужской голос — ровный и низкий, как высокое нефритовое утёсовое эхо:

— «Явление Нефритового Мужа» — как тебе такое название?

У Пэй Ситина дрогнуло запястье, волоски на коже встали дыбом. Этот человек шёл совершенно беззвучно. Призрак, что ли?!

— ...То, что нужно, — ответил Пэй Ситин и вывел аккуратным, слегка округлым мелким почерком: «Пэй Ситин».

После этого он положил кисть, поднялся и обернулся.

Перед ним стоял очень высокий мужчина — не меньше ста девяноста сантиметров, с великолепными пропорциями. И что ещё редкостнее — лицо соответствовало телу: длинные брови, спокойный взгляд, словно человек сошёл с древней живописной свитка. Кожа ясная, кости благородные — именно такой метафоры оно и требовало. А на левой щеке — красная родинка... мать честная.

Как интересно.

Пэй Ситин чуть приподнял веки; его взгляд скользнул по фигуре мужчины, и он не смог удержаться — мысленно уже срывал с него одежду... Идеальная модель.

Красавцев он повидал множество. За два года учёбы в Лондоне и после он пересекался с моделями из разных стран, но такого красивого и одновременно мужественного он не встречал никогда.

Красота — поистине страшное оружие. У Пэй Ситина зудели ладони... хотелось рисовать. И тело, и лицо — всё.

Если переговоры позже провалятся, согласится ли красавец исполнить последнюю просьбу — позировать для портрета? Наверяд ли.

Значит, стоит постараться по полной. Пэй Ситин опустил взгляд, сложил руки и произнёс:

— Недостойный зовётся Пэй Вэньцзюань.

— Фучуань, — отозвался тот. Приветствие не вернул, просто подошёл к столу и посмотрел на рисунок.

Картина была прекрасна и жива, и форма, и ритм — всё на месте. Простая, но точная похвала «того слуги» отнюдь не была преувеличением.

Фучуань любил живые мазки: под его собственной кистью формы выходили слишком реальными, но душа — всего на два-три оттенка, и сколько ни пытайся — не добавишь. Наверное, потому что он слишком суров к «чувствам» и «желаниям», а в ответ и эти качества в нём самом скупаются, делая его руку неподвижной, лишая живости всё, что выходит из-под пера.

— В саду полно пионов, гардений, водяных лилий, — произнёс Фучуань, чуть наклоняя голову.
— Почему для картины выбрал розы?

Пэй Вэньцзюань, стоявший рядом и глядевший на рисунок, при этих словах поднял на него глаза, слегка приподняв уголки век:

— Потому что хочу поесть хрустящей рыбы.

— Мм?

— Розовое вино — лучший спутник хрустящей рыбы, — Пэй Ситин чуть жадно облизнул губы.

Фучуань представил это и сказал:

— Не пробовал.

Пэй Ситин поделился опытом:

— Когда специи хорошенько выварены, хрустящая рыба становится сочной. Но рыбный дух быстро приедается. А если запить ароматным розовым ликёром — охлаждённым, ещё лучше — жирность смягчается, и вкус снова кажется звонким, хрустящим. Это просто моё мнение. Надеюсь, брат Фучуань не осудит.

Фучуань не осудил:

— Тогда, по-твоему, где в Йэцзине самая лучшая хрустящая рыба?

«Пэй Ситин» почти никогда не ел вне дома, и уж точно хрустящую рыбу — нет. Как тут отвечать?

Фучуань смотрел на него узкими глазами — не остро, не с пренебрежением, не холодно, не тепло; просто спокойно. Но в этой простоте скрывалась какая-то внутренняя сила, сдержанная агрессия, незаметный, но ощутимый нажим. Сердце Пэй Ситина дрогнуло. Он выдал первое, что пришло в голову:

— По-моему, та, за которую мне не пришлось платить, — лучшая.

Фучуань перепробовал все рыбные блюда в Йэцзине и, поразмыслив на мгновение, сказал:

— Об этом я никогда не слышал.

— Далеко, — приподнял бровь Пэй Ситин, — но рядом.

Фучуань произнёс с неоднозначным подтекстом:

— Оказывается, это господин Пэй.

— Моя хрустящая рыба очень ароматная, и покупатели точно получают то, за что заплатили, —

щедро предложил Пэй Ситин. — Если брат Фучуань не против рыбы, можешь как-нибудь прийти и попробовать.

— Интересно, где господин Пэй начал своё дело? — спросил Фучуань.

Пэй Ситин указал на голову:

— Если брат Фучуань придёт пораньше, пусть кто-нибудь предупредит Цин Линьлиня в Павильоне Мандаринов, а я схожу, займусь готовкой где-нибудь в другом месте.

— Господин Пэй действительно усердно работает ради одного дела, — сказал Фучуань.

— Дело строится заказ за заказом. Если этот заказ получится хорошо, может быть, у меня появится ещё один постоянный клиент вроде брата Фучуаня. В Йэцзине много знатных людей. Маленькая рыбка вроде меня не стремится к богатству. Я просто хочу вести небольшое дело, чтобы не терять, не волноваться о еде и жить размеренно, — вздохнул Пэй Ситин. — Но чтобы вести маленький бизнес, тоже нужен капитал.

Он намекнул, и Фучуань понял:

— Ты хочешь, чтобы я дал тебе капитал?

— Брат Фучуань свободно ходит по особняку Мэй, значит, вы явно большой человек. Немного золотых нитей от вас хватит на мой капитал. А возможности... не достаточно просто повстречать их; нужно иметь смелость за них бороться. — Пэй Ситин говорил прямо.

Фучуань посмотрел в глаза Пэй Вэньцзюаня, и тот встретил взгляд. Фениксовые глаза были как весенние воды: прозрачные, но скрывающие бездонные глубины, с улыбкой, ни холодной, ни тёплой.

«Птица с тайными намерениями, — думал Фучуань. — Отказавшаяся жить в клетке, но пока не способная вырваться, сдержанно, но смело показывающая свои великолепные перья и обаяние случайным зрителям, пытаюсь привлечь внимание и заручиться поддержкой для будущего побега».

Фучуань чуть приподнял подбородок, почти на полголовы выше Пэй Ситина, и теперь выглядел ещё более надменно. Он пристально смотрел, не упуская мельчайшего движения — дрожь ресниц Пэй Вэньцзюаня от нервозности.

— Смелый и осторожный, — подумал Фучуань, — но опыта ещё мало.

Чёрные лакированные чётки на запястье соскользнули в его ладонь. Фучуань осторожно провёл пальцем по ним раз или два, ощущая, что глаза Пэй Вэньцзюаня очень похожи на эти чётки: кристально чистые, сияющие, но не совсем прозрачные, с долей расчёта и хитрости.

Коридор затих, ночной ветер шевелил листья, и луна готовилась к уходу — предвестник сильного дождя. Фучуань отвёл взгляд и сказал:

— У меня есть самый прекрасный розовый ликёр в мире. Всё зависит от того, сколько стоит мастерство господина Пэя.

— Я постараюсь изо всех сил, — сердце Пэй Ситина наконец успокоилось, и он жестом руки сказал: — Если брат Фучуань не возражает, эта скромная работа будет подарком к нашей

первой встрече и знаком уважения.

Фучуань посмотрел на Пэй Вэньцзюаня и медленно, обдуманно снял с пояса кулон из розового и белого нефрита.

— Эта вещь стоит больших денег, тысячу золотых. Господин Пэй осмелится взять её?

Пэй Ситин рассмотрел кулон под холодными белыми пальцами — изысканный, с тонкой резьбой. Он спросил:

— У кого-нибудь был он прежде?

— Пока нет. Но есть несколько других, — Фучуань покачал кулон. — Кто-то взял, кто-то нет.

Пэй Ситин понимал: «другие» не обязательно объекты; это могут быть возможности, испытания и т.п. Те, кто прошёл проверку, вроде Мэй Цзяна, достигали вершины, а кто нет — испытывал позор. Ему не нужны слава, богатство или честь семьи; он просто хочет остаться в безопасности. Но в глазах другого человека «дело» — большое или маленькое — не столь важно, верно?

Пэй Ситин протянул руки:

— Осмелюсь.

Черты лица Пэй Вэньцзюаня безусловно были тонкими и красивыми, но характер холодный и безразличный, без намёка на пошлость. В этот момент он опустил брови и глаза, но челюсть была едва заметно напряжена. Фучуань посмотрел вниз и увидел сцепленные руки с немного согнутыми кончиками пальцев и маленькой родинкой на правой ладони.

Пальцы Фучуаня расслабились, и кулон упал на белую ладонь. Белоснежные бусины под кулоном как раз коснулись родинки.

Пэй Ситин услышал почти неслышимый звук вместе с пением Цин Линьлинь и шелестом ветра. Когда глаза Фучуаня наконец оторвались от него, его замирающее сердце снова заработало от этого «щёлка».

Пэй Ситин сложил руки:

— Большое...

Голос был сжат, он прочистил горло и повторил:

— Большое спасибо.

Фучуань опустил взгляд:

— Кому благодарность?

Глаза Пэй Ситина, как вода, ответили:

— Благодарю, Ваше Высочество, наследный принц.

В середине ночи действительно пошёл дождь, сбивая листья, стряхивая лотосы и шлёпая по банановым листьям. Свет свечей в коридоре дрожал, создавая туманную, неясную атмосферу.

Мэй Цзян подошёл к принцу сзади, накинул на него плащ и прошептал:

— Ваше высочество, не простудитесь.

Принц спросил:

— Сюй Бай* когда-нибудь держал птицу?

Мэй Цзян покачал головой:

— Не любит. Ваше высочество хочет завести?

— Я встретил очень красивую. Нет, — сказал принц, — он прилетел сюда сам.

— Красивее, чем павлин Восточного дворца? — уточнил Мэй Цзян.

— Не так ослепителен, как павлин, и недостаточно великолепен, чтобы назвать журавлём, — провёл чётки принц. — Впрочем, он очень красив.

— Какая птица — неважно. Если ваше высочество её любит, просто держите, — сказал Мэй Цзян.

Принц заметил:

— Кажется, она немного своенравна.

— А если ноги заковать? — предложил Мэй Цзян. — В тюрьме Министерства юстиции их полно. Если хотите что-то хорошее, подойдёт и золотая с нефритом цепь.

Принц подумал и сказал:

— Это убьёт её очарование.

Мэй Цзян взглянул на принца и искренне сказал:

— Прошу простить мою некомпетентность и неспособность снять ваши заботы, ваше высочество.

Дождь лил стеной, ударяя по карнизам и создавая трескучие звуки. Сирень в углу стены не выдержала и один листок сломался. Принц посмотрел на поникший фиолетовый цвет — печальный и красивый, но уже не такой живой и ароматный, как при непрерывном мелком дожде.

*учтивое обращение к Мэй Цзяну

<http://bllate.org/book/11881/1061304>